

ШМИТТ Р.

ПРАГМАТИКА И СИСТЕМАТИКА В ЛАРИНГАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

В соответствии с теорией, которая в своих основных чертах восходит к Ф. де Соссюру [1], но разрабатывалась главным образом в первой половине нашего столетия в работах А. Кюни [2], Е. Куриловича [3] и других (о раннем этапе развития этой теории, столь неудачно названной «ларингальной», ср. в первую очередь статью Семереньи [4]), для и.-е. языка-основы предполагались три особых согласных фонемы — $*/h_1/$, $*/h_2/$, $*/h_3/$. По поводу этих согласных необходимо отметить следующее. В исторически засвидетельствованных и.-е. языках указанные фонемы почти полностью исчезли. Исключение составляет хетто-лувийский, где написание $\langle h \rangle$ передает рефлексы и.-е. фонем типа $/h/$. Несмотря на это, опираясь на поддерживающие друг друга свидетельства ряда языков, для языка-основы можно с надежностью констатировать наличие указанных фонем. Об этом однозначно говорят, в частности, данные греческого языка, где налицо три различных рефлекса (ϵ , α , o) вокализованных и.-е. $*h_1$, h_2 , h_3 . Такая «умеренная» концепция объединяет сейчас, очевидно, большинство исследователей, окончательно преодолевших пережитки прошлых десятилетий, «девиз» которых (*entia sunt multiplicanda*) подверг критике уже Семереньи [5]. Доказательство того, что эти фонемы — не гласные, а согласные, представил в свое время Кюни [2], опиравшийся преимущественно на развитие звукового строя в древнеиндоарийском. Необходимо иметь в виду, что закономерности древнеиндоарийского можно объяснить только в том случае, если допустить существование некоторого согласного, а не гласного «шва» ($*\text{ə}$) младограмматической традиции: ср., например, вед. *stīrnā-* «расширенный» \leftarrow и.-е. $*stīrh_3nó-$, но не вед. $*strinā \leftarrow$ и.-е. $*strə-nó-$; вед. *pūr-* «город» \leftarrow и.-е. $*p\{h_1-$, но не $*plə-$, в связи с чем следовало бы ожидать форму с $-i-$ распространителем, и т. д.¹

Вероятнее всего рассматриваемая триада согласных принадлежит к спирантам (ср. у Майрхофера [7, с. 124, примеч. 101]). Однако она — и это сейчас следовало бы признать всем серьезным исследователям — никоим образом не связана с ларингалами семитских языков, как это утверждал в свое время Г. Мёллер [8], пытавшийся подкрепить таким образом гипотезу генетического родства и.-е. и семитских языков. И хотя не подлежит сомнению, что отсутствует какая бы то ни было непосредственная связь между современной теорией и гипотезой Г. Мёллера (Мёллер еще в 1879 г., т. е. за десятки лет до первого сопоставления и.-е. языков с семитскими, принял точку зрения Соссюра на «сопантические коэффициенты», которые он с самого начала считал согласными [9, примеч. 1]). Интересно, что теория, признающая существование таких фонем в языке-основе, еще и теперь обычно называется «ларингальной теорией». Впервые

¹ В пользу этого Курилович [6] приводит в качестве дополнительного аргумента параллельное развитие так называемых сонорантов или резонантов.

детальное описание места и.-е. */h₁/, /h₂/, /h₃/ в фонологической системе языка-основы мы находим у Майрхофера [7, с. 121 и сл., § 5.2 с обширной библиографией]. Ввиду неясности фонетической природы соответствующих фонем я, вслед за М. Майрхофером, считаю неизбежным использование указанной «алгебраической» нотации. В то же время мне хотелось бы присоединиться к совершенно справедливому и сегодня упреку Мёллера, который более ста лет назад сожалел о том, что «вообще в языковедческих книгах последнего времени пишут по преимуществу таким образом, что текст можно прочесть лишь глазами, но нельзя выговорить» [9].

К важнейшим проявлениям так называемых «ларингалов», которые, как уже было сказано, сами по себе, как правило, исчезли, относятся (а) влияние их на окраску соседних гласных и (б) удлинение кратких гласных благодаря изначально следовавшему H^2 ; причем имеют место переходы: *eh₁ > *ē, *eh₂ > *ā, *eh₃ > *ō; *h₁e > *e, *h₂e > *a, *h₃e > *o. Нельзя, однако, утверждать, что во всех случаях и.-е. *a, o, ā, ō обязаны своим происхождением «ларингалу». Тем исследователям, которые по теоретическим соображениям попытались бы полностью элиминировать и.-е. */a/ как фонему и которым показалось бы более экономным вместо этого считаться с другой и.-е. фонемой */h₂/, следовало бы обратить внимание на небольшое число неоспоримых корней или слов с и.-е. */a/ в окружении, свободном от «ларингалов».

Воззрение, согласно которому некоторые и.-е. долгие гласные \bar{V} возводятся собственно к $\check{V}H$, позволяет трактовать группу особых случаев в морфонологическом феномене аблаута как лишь кажущиеся исключения из правил, что в решающей степени способствует упрощению морфонологии языка-основы. Корни, в которых \bar{V} представлено обычно в полной степени аблаута (например, в греч. φη-μι, дор. φᾶ-μι «говорю», подобно εἶ-μι «иду» с соответствующими слабыми ступенями 1-го л. мн. ч. φα-μέ² и ἱ-μεν), при интерпретации \bar{V} как * $\check{V}H$ ничем не отличаются от корней, в которых обнаруживается нормальный тип аблаута с кратким гласным (греч. φᾶ/φῆ < и.-е. *b^heh₂-/b^hh₂-, подобно и.-е. *k^hleu-/k^hlu- «слышать», *b^her-/b^hr- «нести» и мн. др.). В этом отношении особую роль играют такие глаголы, как греч. δι-δω-μι «даю», τί-θη-μι «сажаю», (дор.) ἰ-στα-μι «стою», не образующие, однако, «морфологической идентичности» с вед. dá-dā-mi, dá-dhā-mi, tí-sthā-mi, т. к. у них в формах слабой степени (1-е л. мн. ч. δι-δο-μεν, τί-θε-μεν, ἰ-στα-μεν и т. д.) выступают соответствующие краткие гласные. Такое неодинаковое развитие греч. o, ε, α можно было бы объяснить с помощью традиционно предполагаемого «schwa indogermanicum» (*ə), которое в греческом должно было бы дать α (при допущении внутрипарадигматического выравнивания по формам полной степени с долгими гласными). Но то обстоятельство, что существуют и самостоятельные, не скванные никакими парадигматическими узлами (следовательно, не обязанные своим становлением процессам аналогии или ассимиляции) свидетельства греч. ε, o (вм. α < и.-е. *ə) — мне представляются особенно доказательными греч. ἐμέω «плюю» ∞ вед. vámiti < и.-е. *ǵemh₁- или греч. ἀνεμος «ветер» (< «дыхание»), -ε- которого находит свое соответствие в так называемом «соединительном гласном» ведическо-го set-корня an²- «дышать», — дает определенное доказательство изначального различия того, что традиционно принято считать единым и.-е. *ə.

² Используются следующие символы: C — согласный, E — гласный, подверженный аблауту, H — «ларингал», T — глухой смычный (tenuis), V — гласный, \check{V} — краткий гласный, \bar{V} — долгий гласный.

Речь идет об одновременном существовании трех различных *а, т. е. о трех (в греческом соноризованных) «ларингалах». Если таким образом фонема */a/ будет элиминирована из инвентаря и.-е. языка-основы, то это следует рассматривать как экономное решение уже потому, что *а занимало совершенно особое положение: прежде всего оно нарушало параллелизм подсистем кратких и долгих гласных, а это привело к тому, что ему приписывалась очень ограниченная дистрибуция.

В то же время предположительно лежащий в основе (b) процесс стяжения, как показывают архаичные примеры из отдельных языков, представляет собой нечто фонетически возможное и хорошо засвидетельствованное. Особенно отчетливо иллюстрируют это параллельные формы V, VII и IX древнеиндоарийских глагольных классов:

3-е л. ед. числа пндикатива презенса		Причастие перфекта пассива
<i>yu-ná-k-ti</i>	<i>yuk-tá-</i>	VII <i>yu-</i> «запрягать»
<i>śrṇoti < *sr-ná-ṣ-ti</i>	<i>śru-tá-</i>	V <i>śru-</i> «слушать»
<i>punāti < *pu-ná-H-ti</i>	<i>pā'á- < puH-tá-</i>	IX <i>pā-</i> «чистить»

При этом *-H-* и соответственно признак [+ долг.] проявляется в формах *punāti*, *pūtá-* в качестве аллофона *-i-* в таких формах, как инфинитив *pāvi-tum* (наряду с *yók-tum*, *śrótum*), имя деятеля *pavi-tṛ-* (наряду с *yók-tṛ-*, *śrót-tṛ-*) от *set-* корня *pū-*. Эти формы показывают основополагающее значение введенного индийскими грамматистами различия *aniṭ-* и *set-* корней, отражающего и.-е. структуру корня [класс *set* представляет развитие корней типа *C(C)E(C)H*]. Столь же наглядный пример представляет и формант опатива атематических глаголов (с широко распространенным у этой категории форм различием аблаута между единственным и множественным числом), который традиционно возводится к и.-е. **-iē-/ī-*. Он становится очевидным и допускает параллели с другими типами аблаута лишь тогда, когда его интерпретируют как и.-е. **-ieh₁-/ih₁-*. В той же связи предстает в греческом и так называемая «аттическая редупликация» типа 1-го л. ед. ч. изъявн. накл. перф. **ἐιήλουθα* (засвидетельствовано лишь гомер. *ἐιήλουθα* с метрической долготой) < и.-е. **h₁lé-h₁loudh^h-h₂e*, которое так же относится к формам будущего времени *ἐλεύσομαι* < **ἐλεύθ^h-σομαι* < **h₁leidh^h-s-o⁰* и аориста *ἤλυθον* < **e-h₁ludh^h-o-m* (все — супплетивные образования от греч. *ερλομαι* «прихожу»), как *λέλοιπα* к *λείφομαι* (**λείτ-σ-ομαι*) и *ἐλιπ-ο-ν* (от корня и.-е. **lei^hk^u* «оставлять»).

К дальнейшим проявлениям воздействия так называемых «ларингалов» можно отнести, наряду с другими, (с) исчезновение *H* в интервокальной позиции (**VHV*) с весьма различными характеристиками образованного таким образом хиагуса — либо с его сохранением (как это обычно можно проследить в двусложных морах метрических текстов Вед или Авесты), либо с его устранением путем стяжения, а также путем вклинивания глайда (*v*, *ɥ* при *i*, *u*); (d) — обычная в межконсонантной позиции (**CHC*) соноризация (возможно, через промежуточную ступень развития эпентетического гласного), а в индоиранском отчасти и исчезновение *H* (ср. наряду с вед. *pitár-* «отец», авест., др.-перс. *pitar-*, все из и.-е. **ph₂tér-*, ср. также староавест. односложный им. п. ед. ч. <patā>, следовательно, /ptā/ < и.-е. **ph₂tréi*)³; (e) в постконсонантно-превокальной позиции (**CHV*) обычно исчезновение *H*⁴, но с изменением качества гласного (а),

³ Об этой проблеме ср. теперь прежде всего [10].

⁴ Достаточно указать на формы 3-го л. мн. ч. вышеприведенных глаголов: *punānti* < **pu-n-H-ánti*, как *yu-ñ-j-anti* и *śi-v-v-ánti*.

однако в индоиранском (и греческом) — с придыхательностью предшествующего глухого смычного (**THV* < **T^hV*), что особенно ясно представлено в парадигме авест. *pañt-* «путь», где объединены им. п. ед. ч. *pañtā-* < инд.-иран. **pāntās* < и.-е. **pént-eH-s* (или близкие к этому случаи ⁵) и род. п. ед. ч. *pañb* < инд.-иран **pāhās* < и.-е. **pñt-H-és* (в то время как вед. *pāñthās*, *pañhās* выравниваются благодаря введению аспираты), или в параллелизме вед. *rātha-* «повозка» < и.-е. **rót-h₂-o-* и лат. *rota* «колесо» < и.-е. **rot-eh₂*, соотносящихся примерно так же, как греч. ἔτος < **Fétos*: «год» и вед. *vátsa-* «теленоч», собственно «годовалый».

Существование в языке-основе так называемых «ларингалов» особенно четко выявляется при сравнениях, проводимых внутри системы аблаута. Но и без привлечения данных этой системы можно реконструировать для и.-е. языка-основы формы с /h/-фонемами. Ряд явлений в отдельных языках, которые невозможно истолковать традиционными средствами — по крайней мере пока подход многих исследователей в этой области весьма прагматичен, — таким путем, а зачастую и только таким путем получает убедительное и простое объяснение. В особенности это имеет место тогда, когда таким образом можно подвергнуть сравнению явления различных языков, благодаря чему значительно возрастает степень очевидности наличия «ларингалов». Это относится, например, к случаю так называемого «закона Бругмана», индоиранского передвижения, при котором многочисленные исключения из правила как в его изначальной (и.-е. **ǵ* > инд.-иран. **ā* в открытом слоге), так и в модифицированной формулировке Клейнханса (и.-е. **ǵ* > инд.-иран. **ā* в открытом слоге перед **r*, *l*, *m*, *n*) можно рассматривать как абсолютно закономерные при reinterpretации исходных форм с учетом других свидетельств, указывающих на былое наличие «ларингалов». Например, в противоположность каузативу вед. *tānaya-* < и.-е. **ton-eje-* (от anit-корня и.-е. **ten-* «тянуть, напирать»), демонстрирующему действие закона Бругмана, это действие полностью отсутствует в вед. *jānaya-*, что совершенно закономерно, т. к. в этом случае set-корень вед. *jan¹-* «производить, рождать» < и.-е. **ǵenh₁-* произведен от исходной формы и.-е. **ǵonh₁-eje-* (**/ǵon¹h₁e¹ie-/*), где *-o-* не находится в исходе слога. Случай такого рода, когда «ларингал», оказывающий влияние на границу слога, препятствует переходу и.-е. **ǵ* > инд.-иран. **ā*, доказывают, кроме того, что с *H* консонантного характера следует считаться еще и в эпоху отдельных и.-е. языков.

Сходный пример, дающий возможность выявить следы «ларингала», представляют в греческом протетические гласные, которые можно связать, с одной стороны, со случаями так называемого индоиранского «композиционного удлинения», с другой — собственно в греческом — с особыми случаями *α-privativum* (а именно с так называемым *ν-privativum*). Греч. ἀνήρ «мужчина», демонстрирующее при сравнении с вед. *nár-*, итал. **ner-* (осск. род. п. мн. ч. *ner-um* и т. д.) ту же гласную протезу, что и фриг. *ayor*, арм. *ayr* (с род. п. ед. ч. *aṙn* < и.-е. **h₂nr-ós*, как греч. ἀνδρός), можно объединить с этими словами лишь в том случае, если предположить, что оно произошло из и.-е. **h₂ner-*, и допустить в греч. *ā-* и т. д. соноризованный «ларингал». Этот последний, однако, не постулируется ad hoc, а надежно устанавливается для этого слова благодаря индоиранским свидетельствам удлинения *Ǟ* перед *H* (т. е. **VH* > *Ǟ*) там, где они соединены

⁵ Относительно этой формы, в которой корневой акцент и полные ступени аблаута в корне и основообразующем форманте противоречат друг другу, ср. [7, с. 136, примеч. 159].

в инлауте; так, в Jасна 46, 2b непосредственно рядом с *kaṃna-fšuuā* «с малым количеством скота» (< инд.-иран. **kaṃna-pšū-a-*) стоит *kaṃnānā* «с малым количеством людей» (< инд.-иран. **kaṃna-Hnar-*), или в ведийском, где есть композиты *sūnāra-* «с доброй силой» и *viśvānara* «со всей силой», содержащие наряду с *su-* «добрый» и *viśva-* «весь» основу инд.-иран. **Hnar-* «жизненная сила»; эта основа в конечном счёте, естественно, структурно и материально идентична и.-е. **h₂n^{ér}-* «мужчина». Такие встречающиеся в композитах свидетельства инд.-иран. **Hnar-* доказывают в то же время, что **H* наличествовал еще в индоиранском и исчез в абсолютном инлауте лишь в ходе развития отдельных индоиранских языков.

Среди греческих привативных композитов наряду с нормальным типом *á-* (перед *С*) и *á-* (перед *V*) находим ряд функционально тождественных форм с *vā-*, *vḡ-*, *vó-*, среди прочих. например, *vḡḡre-os* «без просыпа» (от *éḡeíρω*), *vḡis*, «без знания» (от *id-eiv*), *vḡmerthés* «без заблуждения, безошибочно» (от *ámar-tánw*), *vónym(v)os* «без имени» (от *onoμα*); позднее переоформлено в *ánonymos*), **v.οφελής* «бесполезный» в микен. *po-re-ha/nōpheléal* (от *ōφελος*; позднее переоформлено в *án.οφελής*) и мн. др. Некоторые из этих древнейших примеров исчерпывающе объясняются как закономерные рефлексы и.-е. **n-* + *H*; в частности, греч. *vḡ-* < и.-е. **n-h₁-*, греч. *vā-* (ион.-атт. *vḡ-*) < и.-е. **n-h₂-*, греч. *vó-* < и.-е. **n-h₃-*. Таким образом, греч. *vḡmerthés* возникло из и.-е. **n-h₁gr-eto-* [с **n_h1*] > *vḡ* как в инлауте в греч. (*κασι-*) *γνητος* = лат. (*g*)*nātus* = вед. *jatā-* < и.-е. **zn_h1-tó-* «рожденный»] или *vḡmerthés*, дор. *vāmerthés* < и.-е. **n-h₃mert-es-* [с **n_h2*] > *vā* в соответствии с **l_h2*] > *lā* в греч. *τλητός*, *τλάτος* «претерпевающий» = лат. (*t*)*lātus* «вынесенный» < и.-е. **l_h2-tó-* от и.-е. корня **telh₂-* «(вы)сосить»⁶.

Позиция некоторых исследователей, стремящихся независимо от «ларингалистского» принципа найти для этого подхода независимое подтверждение, наверняка (по крайней мере отчасти) объясняется самим развитием науки. Дело в том, что в лингвистике длительное время господствовала тенденция объявлять ересью все, что имело отношение к «ларингалам». С такой гиперкритической позицией можно время от времени встретиться еще и сегодня. Например, автор введения в арменистику, в котором преследуются прежде всего описательные цели, а элементарные сравнительные толкования вводятся лишь на правах вспомогательного материала, получает одобрение одного из самых заядлых «антиларингалистов» за абсолютный отказ от какого бы то ни было упоминания о ларингалах [13]. Между тем следует напомнить, что автор, получивший такую похвалу, в других своих работах, посвященных и.-е. языку-основе, допускает последовательное и иногда даже резко бросающееся в глаза использование ларингалов. Ясно, что рецензент не заметил прагматической цели автора — по дидактическим причинам освободить введение, насколько это вообще возможно, от всех спорных проблем, вызывающих, однако, интерес специалистов, которые не прекращают попыток их разрешить.

Вследствие такой гиперкритической позиции в отношении ларингальной теории (она была весьма сильна еще в пятидесятые годы и представляла собой реакцию на предлагавшуюся время от времени «волшебную палочку ларингалистики») даже некоторые осторожные исследователи пришли к воззрениям, в основе своей неприемлемым. Я имею в виду, например, тот «тезис», который защищал в одной из своих последних работ

⁶ Об этом типе отрицательных композитов см. [11, с. 145—149; 12, с. 98—113].

А. Дебруннер и который в известной степени может считаться его научным завещанием: «все явления, которые с некоторой вероятностью могут быть объяснены без ларингальной теории, лишь затемняются ларингалами; только в тех случаях, когда, невзирая на самые серьезные усилия, не удастся найти ничего приемлемого, можно попробовать обратиться к новым воззрениям — но с большой осторожностью» [14]. Как я уже сказал, такую компромиссную позицию я считаю неприемлемой. В самом деле, либо и.-е. язык-основа обладал фонемами /*h₁/, /*h₂/, /*h₃/, как это постулируется в ларингальной теории, и тогда они, как и все другие фонемы языка-основы, должны последовательно приниматься во внимание при любой форме реконструкции, либо таких фонем там не было — то ли, согласно воззрениям данного автора, вообще, то ли в рамках определенной формы представления материала, избранной из тех или иных соображений, — и тогда они излишни в любой реконструкции. Третьего не дано; ни в коем случае невозможно чередовать в пределах одного и того же исследования «ларингалистский» и «безларингальный» подходы к реконструкции. Следует учесть, что при построении ларингальной теории исследователи исходили из критики младограмматического учения о «шва»: именно по отношению к этому учению в ларингальной теории было изменено число ларингалов и выводимое из оппозиций определение языка-основы. Совершенно иначе трактуется положение вещей в различных вариантах распространившейся в семидесятые годы т. н. «глоттальной теории», которая принимает в расчет некогда существовавшие глоттализованные смычные⁷. В этом случае традиционно реконструируемые для языка-основы смычные фонемы практически подвергаются лишь реинтерпретации, а праформы получают другую запись, хотя система смычных в целом, преимущественно по типологическим причинам, приобретает иной облик и в соответствии с этим по-иному трактуются и процессы ее развития в отдельных языках.

На практике включение и.-е. «ларингальных» фонем в реконструированные формы языка-основы, вообще говоря, лишь отчасти осуществляется на базе фактически засвидетельствованных рефлексов в отдельных языках. Чаще опорой — и зачастую исключительной — служат теоретические построения или определенные постулаты, касающиеся фонологического и/или морфонологического облика и.-е. языка-основы, например, структура и.-е. корней (которая по гипотезе Бенвениста [16] обычно имела минимальный вид *SEC*), аблаута и т. д.

Многие исследователи придерживаются, как это можно увидеть в соответствующих работах, прагматической точки зрения, согласно которой те реконструкции /h/-фонем, которые фиксируются материалом отдельных языков (и, со своей стороны, способствуют объяснению этого материала), обоснованы надежнее, чем те, которые принимаются только в силу определенных структурно ориентированных аксиом. И в самом деле, предположение об и.-е. корне *h₁es- «быть» вместо традиционно принимаемого *es- до тех пор выглядит как результат *petitio principii*, пока его не рассматривают в связи с отрицательной формой ведического причастия *āsant-* (наряду с *á-sant-*) «несуществующий», которое в непосредственном соседстве с более прозрачной формой (RV 7, 104, 8d), несомненно (ср. у Ольденберга [17]), обнаруживает достойную внимания долготу гласного в анлауте и поэтому должно интерпретироваться как и.-е. *h₁es-ont-. Но предположив здесь и.-е. корень *h₁es-, мы получаем и возможность

⁷ Наиболее подробно эта теория обоснована Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым, ср. [15]; см. также указания Маурхофера [7, с. 93 и сл., примеч. 16].

понять такие греческие формы, как 2-е л. ед. ч. опт. през. εἶρε и т. д., относительно которых до сих пор приходилось предполагать нерегулярность аблаута. Они восходят к и.-е. $*h_1s-iéh_1s$ и т. д., и таким образом следует признать абсолютную идентичность греческой парадигмы опгати-ва в целом с вед. $syás$, др.-лат. $siēs$ и т. д. То же самое справедливо и для других форм «нулевой ступени» этого корня, таких, как 3-е л. мн. ч. инд. през. хетт. $\langle a-ša-an-zi \rangle /asanzi/$, греч. мик. $\langle e-e-si \rangle /ehensi/$, дор. $ἐντι < *ēnti < *ehenti$, ион.-атт. $εἶσι < *ehenti$, все $< и.-е. *h_1s-ēnti$ и идентичны вед. $sānti$, гот. $sind$ и др.

Сходно обстоит дело и с «традиционным» и.-е. $*ag-$, которое записывается в виде $*h_2gē-$ «вести, гнать». В соответствии с предложением Штрунка [18] можно установить связь на уровне корня между вед. $aj-$ «гнать» и глаголом того же значения вед. $ījate$, ранняя форма которого трактуется как редуцированный тематический презенс и.-е. $*h_2i-h_2gē-toi$. Таким образом, только на базе «ларингала» в начале корня можно объяснить долготу $īj-$.

Некоторые вопросы вызывает и.-е. слово со значением «имя», в котором уже в греческом соседствуют формы ион.-атт. $ἄνομα$, эол., дор. $ἄνομα$ и дор. $ἔνομα$ (засвидетельствовано только в двух собственных именах $Ἐνομακράτιδᾶς$ и $Ἐνομακτιάδᾶς$). Эти формы допускают дальнейшее объединение с арм. $anown$, вед. $nāman-$, лат. $nōmen$, хетт. $\langle la-a-ma-an \rangle /lāman/$ (явная диссимилиация из $*/nāman/$) и другими. В связи с тем, что основы среднего рода на $*-men-$ обнаруживают полную ступень аблаута с $-e-$ [например, греч. $δέρμα$, σπέρμα, εἶμα $< *Fēcma, χεῖμα, χεῖμα$ и т. д., хотя наряду с этим в отдельных языках еще остаются отчетливые следы флексионного аблаута (ср. в греческом вариант Геродота $θαῖμα$ к $θαῖμα$ «чудо» и др.)], в случае со словом «имя» следует считаться с обоими явлениями. В настоящее время⁸ многие из тех, кто вообще не отрицает наличие «ларингала» в этом слове, подобно Баммесбергеру [19], соглашаются с наличием «протеродинамической» (в терминологии Х. Педерсена) парадигмы и.-е. им. п. ед. ч. $*h_1neh_3-mn/mōn$, род. п. ед. ч. $*h_1nh_3-men-s$. Приняв идею парадигматического выравнивания (ср. вед. род. п. ед. ч. $nā-mn-as$ по им. п. ед. ч. $nāman$) и переоформления (ср. в греческом основы на $-μα/-ματ-$, особенно при нулевой ступени корня), можно без особых трудностей вывести отсюда формы отдельных языков, не привлекая при этом «Schwebeablaute» или сходные феномены⁹.

Но основной проблемой, с моей точки зрения, был и остается анлаут, для которого, собственно, благодаря совпадающим свидетельствам греческого и армянского (а теперь, очевидно, еще и так называемого иероглифического лувийского¹⁰), очень легко предположить фонему /h/. Так как арм. $a-$ по результатам вполне достоверных этимологических сопоставлений может восходить к любому из трех и.-е. ларингалов ($*h_1, h_2, h_3$), а соответствующий анлаут др.-иран. ahm^h , ст.-слав. $imę$ и т. д. и др.-прусс. $emnes, emnen, emmens$ и т. д. столь же достоверно может возводиться как к и.-е. $*h_2$ ¹¹ ($< *Hh_2-$), так и к $*h_1n-$, то разрешающая способность всех этих форм в вопросе об анлауте остается в высшей степени ограниченной. Сторонники существования и.-е. $*h_1-$ апеллируют преимущественно к греч. форме $*ἔνομα$. Но я не вижу причин, почему именно так должна

⁸ Ср. [7, с. 126]. Мы не стремились к систематическому обзору всей обширной литературы, относящейся к этому слову.

⁹ К этому сводится то, что можно прочесть в [20, с. 91, примеч. 562].

¹⁰ О перогл.-лув. /adamman/ ср. [21].

¹¹ Ср. балтийские и славянские данные в [22], с указанием литературы.

быть представлена «древнейшая греческая форма» [7, с. 126]: на самом деле она не является древнейшей из засвидетельствованных форм — в эпосе мы находим как *δύομα*, так и (с метрическим удлинением) *ὄβυομα*. Если для греческого, где явно обобщена нулевая ступень корня так называемого «слабого падежа», исходить из $*h_1nh_3-m^0$, то следует ожидать $*\acute{\epsilon}βυομα$, которое наиболее очевидным образом через лабиальную ассимиляцию *o* с *μ* переходит в $*\acute{\epsilon}βυομα$. Из этой формы (она засвидетельствована только в двух лаконских именах) в результате нескольких последовательных процессов (частичной) ассимиляции должны были возникнуть более привычные *δύομα* и *ὄβυομα* (последнее раньше всего засвидетельствовано в Илиаде и Одиссее).

Уже Кёддеритцш [23, с. 17—20] привлек здесь к рассмотрению др.-фриг. *opotan*, которое, хотя и находится в неясном контексте (надпись W 01 b, ср. теперь [24]), но в остальном неоспоримо. Если не рассматривать это слово как заимствование из греческого¹², то при установлении формы языка-основы с и.-е. $*h_1-$ необходимо предположить ассимиляцию, сопоставимую с греческой, как это сделал Кёддеритцш [23, с. 20].

В шестидесятые годы, однако, слово со значением «имя» снова стали реконструировать с анлаутом и.-е. $*h_3-$ [41, с. 149; 20, с. 91, примеч. 562], т. к. именно эта группа слов еще достаточно четко позволяет увидеть распределение первоначально анлаутных «ларингалов». Для доказательства этой гипотезы привлекают обычно привативный композит $\acute{\omega}\nu\mu(\nu)\acute{\omicron}\varsigma$ «безымянный» < и.-е. $*h_3-n^0$. Только Айхнер [25], который старался доказать наличие в этом слове $*h_1-$, но позднее [26] склонился к этимологическому сопоставлению с корнем греч. *ὄβυο-ται* «бранит», и.-е. $*h_3-enh_3-$ (так уже у Бикса [42, с. 231]), сделал попытку лишить силы контраргумента греч. $\acute{\omega}\nu\mu(\nu)\acute{\omicron}\varsigma$, хотя и с помощью крайне лапидарного и недоказанного утверждения: «меньшее значение (т. е. по сравнению с *ἐβυομα*) имеет $\acute{\omega}\nu\mu(\nu)\acute{\omicron}\varsigma$, вероятно, переоформленное из $*\acute{\omega}\nu\mu(\nu)\acute{\omicron}\varsigma$. Это ни в коем случае не может меня убедить, и я считаю более «экономным» — в отличие от гипотезы, высказанной мною ранее [20, с. 91, примеч. 562], — исходить из и.-е. $*h_3neh_3- / h_3nh_3-$ как пресуффиксальной части этого слова¹³. Против такой гипотезы свидетельствует лишь¹⁴ греч. лакон. $*\acute{\epsilon}βυομα$, которое, однако, легко может получить приемлемое объяснение, если считать его диссимиляцией от *δύομα*.

Эти наблюдения, в которых автор отказался от обширного аппарата библиографических ссылок¹⁵, имели целью изложить его кредо. Однако в заключение необходимо указать на задачи, ожидающие скорейшего разрешения. Так, с одной стороны, для большинства и.-е. языков, за исключением греческого¹⁶, все еще отсутствует сравнительно-историческое из-

¹² Простого созвучия фриг. *opotan* с греч. *δύομα* недостаточно для того, чтобы подвести базу под эту гипотезу, в особенности если учесть явное сходство обоих языков; исход фригийской формы (*-an* < и.-е. $*-n$), как мне кажется, ведет нас скорее в иную направленность.

¹³ Как кажется, по краткому указанию в [27], Бикс, который прежде [42, с. 47, 110, 229 и сл.] высказывался очень неопределенно, теперь предпочитает анлаут $*h_3-$.

¹⁴ Иерогл.-лув. /*adamman*/ [24] не обязательно требует наличия и.-е. $*h_1-$, а лишь исключает $*h_2-$.

¹⁵ Представляется достаточным указать на следующие работы: [28] как введение в общий круг проблем «ларингальной теории»; [7, с. 121—150] как систематическое представление «ларингалов» в рамках системы фонем языка-основы. Для истории исследований окажется незаменимым находящийся в подготовке сборник «Ларингальная теория», в котором будут перепечатаны основные работы в этой области. Сборник издается М. Майрхофером в серии «Пути исследования» («Wege der Forschung»).

¹⁶ В этой области «белое пятно» было «закрыто» Риксом [29].

ложение фонетики, которое последовательно принимало бы во внимание и.-е. «ларингалы». С другой стороны, хотя у Майрхофера [7] и представлено «ларингалистское» описание фонетической системы языка-основы, но еще нет «сравнительной грамматики и.-е. языков», которая бы в такой же степени исходила из «ларингальной теории».

Перевела с немецкого *Журинская М. А.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Saussure F. de. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes // Saussure F. de. Recueil des publications scientifiques. Heidelberg, 1922.*
2. *Cuny A. Notes de phonétique historique: Indo-européen et sémitique // Revue de phonétique. 1912. Bd. 2.*
3. *Kuryłowicz J. Etudes indoeuropéennes. I. Kraków, 1935.*
4. *Szemerényi O. La théorie des laryngales de Saussure à Kuryłowicz et à Benveniste. Essai de réévaluation // BSLP. 1973. Bd. 68.*
5. *Szemerényi O. Trends and tasks in comparative philology. L., 1962.*
6. *Kuryłowicz J. Probleme der indogermanischen Lautlehre // II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 10.—15. Oktober 1961: Vorträge und Veranstaltungen. Innsbruck, 1962. S. 112.*
7. *Mayrhofer M. Lautlehre: Segmentale Phonologie des Indogermanischen // Indogermanische Grammatik. I. Heidelberg, 1986.*
8. *Möller H. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1911. S. VI.*
9. *Möller H. // Englische Studien. 1880 (recte 1879). Bd. 3. S. 151 Rec.: Kluge F. Beiträge zur Geschichte der germanischen Conjugation.*
10. *Tichy E. Avestisch *ptar-iptar-*. Zur Vertretung interkonsonantischer Laryngale im Indoiranischen // MSS, 1985, Bd. 45.*
11. *Forssman B. Untersuchungen zur Sprache Pindars. Wiesbaden, 1966.*
12. *Beekes R. S. P. The development of the Proto-Indo-European laryngeals in Greek. The Hague — Paris, 1969.*
13. *Bonfante G. // Archivio glottologico italiano. 1983—1985. Bd. 68. S. 135. Rec.: Schmitt R. Grammatik des klassisch-armenischen.*
14. *Debrunner A. // Kratylos. 1958. Bd. 3. S. 29. Rec.: Liebert G. Personalpronomina und die Laryngalthorie.*
15. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. I—II. Тбилиси, 1984. С. 5—80.*
16. *Benveniste E. Origines de la formation des noms en indo-européen. P., 1935.*
17. *Oldenberg H. Rgveda. Textkritische und exegetische Noten. Erstes bis sechstes Buch. Berlin, 1909. S. 272.*
18. *Strunk K. Zwei latente Fälle des verbalen Präsenstammtyps *tiṣṭha-(ti)* im Veda // ZDMG. 1977. Suppl.-Bd. III. Tl. 2.*
19. *Bammesberger A. Studien zur Laryngalthorie. Göttingen, 1984. S. 140.*
20. *Schmitt R. Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.*
21. *Starke F. Uridg. **h₁d-ti-* «Speise» im Luwischen // Sprache. 1985. Bd. 31. S. 252.*
22. *Тоноров В. Н. Прусский язык. М., 1979. С. 28—30.*
23. *Köderitzsch R. Brygisch, Päonisch, Makedonisch // BalkE. 1985. Bd. 28. Hf. 4.*
24. *Briše C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. I: Texte. P., 1984. P. 39—41.*
25. *Eichner H. Die Etymologie von heth. *mehur* // MSS. 1973. Bd. 31. S. 86. Anm. 12.*
26. *Eichner H. Phonetik und Lautgesetze des Hethitischen — ein Weg zu ihrer Entschlüsselung // Lautgesetze und Etymologie: Akten der VI. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft. Wien. 24.—29. September 1978. Wiesbaden, 1980. S. 144. Anm. 64.*
27. *Beekes R. S. F. // Kratylos. Bd. 31. S. 74. Rec.: Bammesberger A. Studien zur Laryngalthorie.*
28. *Lindeman F. O. Einführung in die laryngalthorie. Berlin, 1970.*
29. *Rix H. Historische Grammatik des Griechischen. Laut- und Formenlehre. Darmstadt, 1976.*